

Научная статья

УДК 81'33

DOI 10.52070/2542-2197_2023_7_875_48

Лингвокоммуникативные аспекты информационно-психологической войны в политическом дискурсе

Р. И. Зарипов

Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
lieutenant-en-chef@ya.ru

Аннотация. В статье освещаются коммуникативные, персуазивные и суггестивные особенности политического дискурса в условиях ведения информационно-психологической войны на примерах вербальных и поликодовых текстов. Применяются описательный, синхронический и функциональный методы, а также методы метафорического моделирования, компонентного, контекстуального и коммуникативно-прагматического анализа.

Ключевые слова: информационно-психологическое воздействие, информационно-психологическая война, информирование, убеждение, манипулирование, дезинформация, поликодовый текст

Для цитирования: Зарипов Р. И. Лингвокоммуникативные аспекты информационно-психологической войны в политическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 7 (875). С. 48–54. DOI 10.52070/2542-2197_2023_7_875_48

Original article

Linguistic and Communicative Aspects of Information-Psychological Warfare in Political Discourse

Ruslan I. Zaripov

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
lieutenant-en-chef@ya.ru

Abstract. The purpose of the article is to clarify communicative, persuasive and suggestive peculiarities of a political discourse in the conditions of an information-psychological warfare on current examples of verbal and multimodal texts. The article applies descriptive, synchronic and functional methods, as well as methods of metaphorical modeling, component, contextual and communicative-pragmatic analysis.

Keywords: information-psychological impact, information-psychological warfare, informing, persuasion, manipulating, misinformation, polycode text

For citation: Zaripov, R. I. Linguistic and Communicative aspects of information-psychological warfare in political discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 7(875), 48–54. 10.52070/2542-2197_2023_7_875_48

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество является свидетелем галопирующей интенсификации информационно-психологической войны как «противоборства в информационном пространстве с целью достижения информационного, психологического и идеологического превосходства..., подрыва политической и социальной систем, а также массовой психологической обработки личного состава войск и населения» [Война и мир в терминах и определениях, 2011]. В этой войне, которая в первую очередь проявляется в политическом дискурсе, участвует огромное число акторов, распространяющих бесконечное количество информационных сообщений. Их цель – дискредитировать выбранный в качестве мишени объект, оказать информационно-психологическое воздействие на аудиторию и извлечь морально-психологическое преимущество над противником. В таких условиях об объективности СМИ говорить *in universum* не приходится, но этот факт следует принять как данность и необходимость: если государство и гражданское общество не в состоянии сформировать и обеспечить устойчивость собственной инфосферы, под влиянием которой аудитория будет воспринимать и анализировать происходящие события, то формировать умы и настроения последней будет альтернативная система информационных источников, насаждаемая извне.

Противостояние в информационном пространстве, выражающееся в тотальном использовании враждебными России коммуникаторами не соответствующих действительности фактологических данных, бесконтрольном употреблении эмоционально-экспрессивной и обценной лексики крайне негативного характера, публичном высказывании субъективно-оценочных суждений с целью дискредитации, обострилось настолько, что можно констатировать открытие отдельного фронта – информационного, не уступающего по своей значимости и масштабам реальным боевым действиям: «Безусловно, мы сейчас наблюдаем информационную войну, я бы сказал, информационный терроризм. Вбрасываются миллионы фейков, мы их постоянно разоблачаем. На сайте МИД есть специальный раздел, где показывается правда исключительно на основе фактов»¹.

Потерпеть поражение для государственного руководства на этом фронте в мирное, как и в военное, время значит подорвать морально-психологическое состояние общества, потерять доверие

электората и столкнуться с серьезными внутрисистемными последствиями. На внешнеполитическом уровне это грозит не меньшими издержками: потерей союзников и партнеров, утратой собственных позиций и международной изоляцией.

На основе актуального языкового русскоязычного и иноязычного материала, обобщенного по результатам исследования более 100 информационных сообщений общественно-политической и военно-политической тематики, нами предпринята попытка изучить некоторые особенности политического дискурса с учетом интенсификации информационно-психологической войны. Эта работа перекликается с рассуждениями Л. А. Гаврилова в статье «Политический дискурс в условиях информационно-психологической войны» [Гаврилов, 2018].

Результаты получены на основе применения описательного, синхронического и функционального методов, а также методов метафорического моделирования, компонентного, контекстуального и коммуникативно-прагматического анализа.

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Вполне очевидно, что в глобальном медиаполе информационно-психологическое противоборство ведется преимущественно в его политическом сегменте. Именно политический дискурс как интегративная совокупность текстов политической (общественно-политической, военно-политической) направленности отражает определенную информационную повестку коммуникатора, его идеологические (идейно-политические) и манипулятивные установки и, как следствие, обеспечивает продвижение выгодной ему картины действительности [Зарипов, 2014]. На примере политических текстов «можно увидеть целенаправленный и целеобусловленный характер реализации языковой системы, на которую также влияют такие факторы, как тематика и частные задачи сообщения, знания и способности, квалификация и опыт, взгляды и убеждения, эрудированность и речевые навыки автора текста и, наконец, необходимая для понимания текста рецептивная компетентность адресата, сознательно или бессознательно учитываемые адресатом» [Гаврилов, 2004, с. 134].

В более глубоком смысле в политическом дискурсе реализуется система опосредованного коммуникативного влияния на аудиторию вербальными и невербальными (экстралингвистическими) средствами – информационно-психологическое воздействие. Его цель состоит в конструировании автономной гиперреальности и симулякров. Таким образом, на текстовом уровне речь идет не только

¹ Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова телеканалу «Аль-Джазира». Москва, 2 марта 2022 г.
URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1802485/

о системе языковых знаков, но и других средствах воздействия, невербальных элементах [Баранов, 2013]. Они не ограничиваются фотографиями, рисунками, схемами, таблицами и подразумевают полноценное аудиовизуальное сопровождение языкового компонента, которое в отдельных случаях присутствует на постоянной основе и играет главную роль. Это – поликодовые (и нередко мультимодальные) тексты, которые сегодня находятся на пике эффективности с коммуникативной и манипулятивной точек зрения.

ИНФОРМИРОВАНИЕ, УБЕЖДЕНИЕ, МАНИПУЛИРОВАНИЕ, ДЕЗИНФОРМАЦИЯ

А. А. Леонтьев выделил некоторые виды воздействия на индивидуальное и общественное сознание в процессе коммуникации. В общем виде их можно обозначить как информирование и убеждение [Леонтьев, 2008]. На наш взгляд, при детализированном анализе современного политического дискурса возможно заметить также элементы суггестивного влияния на аудиторию, которые подразумевают манипулирование и дезинформацию. Очевидно, что четкого разграничения между перечисленными аспектами информационно-психологического воздействия не существует, и они задействованы в бесконечном потоке информационных сообщений одновременно и в смешанном виде, проявляясь как на единичном, так и на системном уровне.

Информирование, например, может преследовать не только просветительские цели, но и реализовывать персуазивную функцию. Во многом это касается фактологической информации, которая в сообщении не анализируется и не комментируется. Действительно, «если в тексте сообщения имеются только факты, а собственная оценка коммуникатора не сообщается, то это свидетельствует, прежде всего, об одном: излагаемые факты достаточно красноречивы и очевидны сами по себе, читатель вполне в состоянии их правильно оценить сам. В результате воздействующий эффект подобных сообщений возрастает, причем исключительно за счет референтного элемента. Подобные сообщения лишены субъективных, авторских, наслоений, и поэтому уже оцениваются читателем, как правдивые и объективные» [Иванов, 2012, с. 72]. Например:

Естественная убыль населения России в 2021 году составила 1,04 млн человек, свидетельствуют данные Росстата. По данным ведомства, в январе-декабре 2021 года в России смертность выросла на

15,1 % и составила 2,445 млн человек (за 2020 год – 2,124 млн человек). Рождаемость за этот же период снизилась на 2,3 % и составила 1,4 млн человек (против 1,43 млн в прошлом году). В 2020 году естественная убыль населения России составила 688,7 тыс. человек (РИА Новости, 28.01.2022).

В этом сообщении констатируются только факты, которые во всяком случае необходимо проверять на предмет достоверности. Однако так или иначе в сообщении генерируются смыслы неуспешности демографической политики России, и с точки зрения информационно-психологической войны ей наносится имиджевый урон. Иными словами, несмотря на характеристики информирования, в сообщении присутствуют признаки убеждения за счет убедительности статистики. В целом, с точки зрения коммуниканта любой акт передачи информации, направленный на какой-либо запланированный эффект, может восприниматься как психологическое воздействие [Петровская, Жуков, Растяльников, 1990], а в условиях массовой коммуникации – как информационно-психологическое воздействие.

В большинстве случаев массовая аудитория встречается в политическом дискурсе сообщения (тексты), которые открыто или скрытно формируют ее отношение к референту и оценку сообщаемых сведений. Сегодня на первых ролях интерпретативная журналистика: в большинстве случаев реципиент сталкивается с агрессивными информационными материалами, которые предусматривают практически полную интерпретацию освещаемого события под определенным углом, его одностороннюю оценку, ярко выраженную эмоционально-экспрессивную основу и даже языковое насилие. При таком подходе становится возможным оспорить практически любое суждение и исказить смысл любых формулировок вплоть до юридически обязывающих международных документов. Чего только стоит, например, поведение украинской делегации на заседании Трехсторонней контактной группы, которая пыталась дать собственную трактовку слова «консультация», пытаясь избежать прямых переговоров с представителями ДНР и ЛНР.¹

Убеждение, манипулирование и дезинформация составляют субъективную оценочность политической коммуникации. Она характерна не только для текстов сообщений массмедиа как первичного источника информации, но и для транслируемых в СМИ речевых продуктов индивидуального (коллективного) субъекта, который представляет ту или

¹ ТАСС, 11.02.2022.

иную социальную группу с определенными этическими и политико-идеологическими взглядами: «эффективность аксиологической деятельности коммуникатора часто опирается на авторитет, свой или выдвигаемой им личности, чтобы усыпить способность адресата самому критически оценивать ситуацию» [Гаврилов, 2018]. В этом контексте доверие к источнику информации и политическому (общественному) деятелю нередко заранее обеспечивает успех коммуникации. Комментарии официальных лиц всегда воспринимаются аудиторией с повышенным вниманием и понимаются практически буквально, особенно если они произнесены на камеру или по радио, а не прочитаны в колонке статьи. Заявления политических деятелей в сравнении с продуктами политтехнологов и журналистов оказываются более эффективными с точки зрения структурирования информационной картины мира в сознании реципиента.

Сообщения, содержащие субъективную оценку, в контексте информационно-психологической войны являются инструментом политической борьбы между ее акторами, которым критически важно продвинуть собственную информационную повестку и интерпретацию событий, навязать противнику и его аудитории свое видение ситуации. Так, например, в прагматических целях создания образа России как агрессора и террориста редакция издания *Libération* поместила на обложку своего очередного номера постановочный кадр с изображением окровавленной женщины с перебинтованной головой в качестве

«последствий» удара российских войск по Украине.¹ К моменту выхода газеты в Интернете уже распространились видеофрагменты, раскрывающие откровенную дезинформацию украинских политтехнологов: гражданских лиц гримировали и снимали специально для журналистов ведущих западных СМИ. Это – достаточно обыденный пример ведения в политическом дискурсе информационно-психологического противоборства, стандарты которого для одной из сторон опустились до уровня прямого обмана массовой аудитории.

Изображение на обложке сопровождается языковым и цветовым оформлением, формирующим соответственно лингвистическую и паралингвистическую части сообщения. Реципиент обращает внимание в первую очередь на изображение, получая первичную – визуальную информацию, а с ней – представление о теме и концептуальных установках сообщения. Затем он, руководствуясь принципами просмотрового чтения, «захватывает» взглядом текст, написанный крупным шрифтом, и видит его полностью или отдельные ключевые концепты: *frappes russes, Ukraine, stratégie, terreur*. До мелкошрифтового текста он может и не добраться – его прочитывают в последнюю очередь и далеко не всегда. В этом случае концептуальная установка сообщения «доструктурируется» этой частью текста и формируется в его сознании в задуманном коммуникатором виде. Безусловно, на уровне сознания получаемая информация проходит через внутренние мировоззренческие установки и комплекс ассоциаций, стереотипов и убеждений. Устойчивый манипулятивный эффект достигается субъектом информационно-психологического воздействия при долговременной «обработке» аудитории.

Доказательством эффективности информационно-психологического воздействия в массовой коммуникации и, в частности, политическом дискурсе является искреннее недоумение и непонимание многими людьми на Западе российского видения конфликта на Украине. Так, например, эксперты французского телеканала CNews в марте 2022 года не могли поверить журналистке А.-Л. Боннель, что жители Донбасса обстреливаются украинскими войсками, а не российскими. Примечательно, что спустя несколько дней ее одноименный документальный фильм был заблокирован в YouTube, а газета *Figaro* убрала со своего сайта ее репортаж, посвященный положению мирного населения Донбасса.² Так устроены правила ведения информационно-психологической войны: альтернативная точка зрения должна подавляться

Рис. 1. Обложка газеты *Libération*. 11.10.2022

¹ *Libération*, 11.10.2022.

² ТАСС, 12.03.2022.

или вовсе изгоняться из медиапространства, иначе общество будет атомизировано и подорвано с морально-психологической точки зрения.

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ

Приемы информационно-психологической войны проявляются особенно отчетливо в период ведения боевых действий, когда в политическом дискурсе резко возрастает количество дезинформации, эвфемизмов, дисфемизмов и метафорических образов. С помощью этого «языка войны» конструируются симулякры, а реальные события камуфлируются [Война и мир в терминах и определениях, 2011].

Осуществление мер эффективного информационно-психологического воздействия в рамках отдельного политического сегмента (нарратива) проводится в виде информационно-психологической операции, под которой понимается деятельность, направленная на изменение «взглядов противника, союзника или нейтральных аудиторий, представителей ВС (Вооруженных сил) или гражданских лиц, в выгодную для инициатора такой деятельности сторону» [там же, с. 95]. Мероприятия в рамках такой операции не могут быть результативны без широкого охвата потенциальных адресатов, поэтому массовая коммуникация неотделима от этих процессов. Она обеспечивает всестороннее медийное сопровождение проводимой военно-политической линии и поддерживает общественный интерес к огромному числу несущих различную смысловую нагрузку сообщений.

Проследим языковое оформление «параллельной реальности» западными СМИ на примере информационно-психологической операции в ходе известных событий в Грузии (2008).

На Западе до сих пор замалчивается факт нападения Грузии на Южную Осетию в августе 2008 года, а защита этой республики российскими войсками выдается за агрессию. Вот как французская газета *Le Monde* пишет об этом:

Après avoir soutenu militairement la sécession de l'Abkhazie (1992) et de l'Ossétie du Sud (2008), la Russie a reconnu unilatéralement leur indépendance en 2008 et y maintient des troupes. Elle menace régulièrement de les rattacher à son territoire (*Le Monde*, 10.05.2017).

Не стоит объяснять, что эта точка зрения в корне не соответствует истине, однако огромное количество людей во Франции и по всему миру в результате такой интерпретации событий считают именно так.

Грузия и ее кураторы захватили инициативу в мировом информационном пространстве еще до открытого начала конфликта: под надуманным предлогом «интенсивного артиллерийского огня» противника по мирным селам и ввода в зону конфликта его танков за несколько часов до военной операции М. Саакашвили призвал к «мирному решению»:

Хочу сказать с полной ответственностью и признать, что несколько часов назад я издал приказ, очень болезненный приказ, как главнокомандующий, чтобы ни одно грузинское соединение, ни одно полицейское и другое соединение, подчиняющееся нашему контролю, не открывало ответный огонь для приостановления очень интенсивного бомбового обстрела. Но я это сделал осознанно, потому, чтобы у меня была бы возможность сказать вам – я предлагаю прекратить огонь, я предлагаю немедленно провести переговоры...¹ (*Civil.ge*. 07.08.2008).

Это заявление закрепило в мировом медиапространстве мирные намерения грузинского руководства. Далее любые действия Грузии логично воспринимались в качестве мер оборонительного характера и сопровождались высокими словами о защите родины и ее будущего:

Грузия никогда не была инициатором этой конфронтации, но Грузия не уступит своей территории. Грузия не откажется от своего права. Это наша Родина. Мы защищаем нашу страну, мы защищаем нашу родину, мы защищаем Грузию, мы защищаем будущее Грузии (*Civil.ge*. 07.08.2008).

Несмотря на то что Россия практически сразу выступила с опровержениями, время было упущено, и на Западе картина происходящего уже была сформирована. Более того, в связи с отсутствием в тот момент на Западе сколько-нибудь значительных российских СМИ на заявления руководства РФ никто не обратил внимания. Западные источники единогласно проводили точку зрения, согласно которой Россия является виновником конфликта, а Грузия – маленькой страной, которая «хочет быть свободной» (*CNN*, 08.08.2008).

Действия нашей страны были преподнесены как бомбардировка мирных городов, широкомасштабная военная агрессия, классическая международная агрессия, применение варварского оружия (*Civil.ge*. 07.08.2008; *Human Rights Watch*, 21.08.2008).

¹ Зд. и далее перевод наш. – Р. З.

Как мы видим, применяемые враждебными России силами языковые маркеры создают иную действительность, в соответствии с которыми появляются семантически гомогенные метафорические модели, например: «Россия – это агрессор» и др. Образы объектов внеязыковой действительности формируются в общественном и индивидуальном сознании так, как они моделируются в информационном пространстве. Такие концептуальные установки в СМИ необходимы западным политическим элитам с целью достижения превосходства над Россией в информационном пространстве и оправдании своих непопулярных внешнеполитических шагов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных условиях информационно-психологическая война в медиапространстве главным образом разворачивается в политическом дискурсе, который отражает борьбу участников межличностных, общественных, внутригосударственных и международных отношений. В стратегическом масштабе противостояние в информационном пространстве ведется основными

геополитическими акторами в интересах сопровождения и реализации собственных цивилизационно-исторических планов по установлению нового, постгуманитарного миропорядка.

Коммуникаторы используют политический дискурс в целях создания, выражения, распространения и внедрения в индивидуальное и массовое сознание определенных мнений, суждений и оценок в отношении избранных мишеней воздействия. Это воздействие реализуется не только с помощью вербальных средств, но и с помощью их аудиовизуального сопровождения, которые дополняют концептуальные смыслы сообщения и нередко выступают его основным элементом. В общем виде информационно-психологическое воздействие, под которым следует понимать систему опосредованного коммуникативного влияния на аудиторию вербальными и невербальными (экстралингвистическими) средствами, проявляется в четырех основных формах: информирования, убеждения, манипулирования и дезинформирования. Наиболее продуктивным с точки зрения коммуникативного, персуазивного и суггестивного эффекта в политическом дискурсе является поликодовый мультимодальный текст, сочетающий в себе как вербальные, так и невербальные средства воздействия на аудиторию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь / под общ. ред. Д. О. Рогозина. М.: Вече, 2011.
2. Гаврилов Л. А. Политический дискурс в условиях информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. № 2. 2018. С. 94–95.
3. Зарипов Р. И. Особенности метафорического манипулятивного воздействия в политическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. № 2. 2014. С. 145–158.
4. Гаврилов Л. А. Стилистика французского языка: учебное пособие. М.: Военный университет, 2004.
5. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учебное пособие. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2013.
6. Леонтьев А. А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / под ред. А. С. Маркосян, Д. А. Леонтьева, Ю. А. Сорокина. М.: Смысл, 2008.
7. Иванов П. А. Модальности функции воздействия в текстах публицистического стиля (на материале французской прессы): дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
8. Петровская Л. А., Жуков Ю. М., Растяников П. В. Диагностика и развитие компетентности в общении. М.: Издательство Московского университета, 1990.

REFERENCES

1. Rogozin, D.O. (2011). *Vojna i mir v terminax i opredeleniyax. Voenno-politicheskij slovar`* = War and peace in terms and definitions. Military-political dictionary. Moscow: Veche. (In Russ.)
2. Gavrilov, L. A. (2018). *Politicheskii diskurs v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskoi voiny* = Political discourse in the context of information-psychological warfare. *Language Ecology and Communication*, 2, 94–95. (In Russ.)

3. Zaripov, R. I. (2014). Manipulation Impact through Metaphors in Political Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 2, 145–158. (In Russ.)
4. Gavrilov, L. A. (2004). *Stilistika frantsuzskogo yazyka = Stylistics of the French language: textbook*. Moscow: Military University. (In Russ.)
5. Baranov, A. N. (2013). *Lingvisticheskaya ehkspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika = Linguistic analysis of the text: theoretical foundations and practice*. 5th ed. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ.)
6. Leont'ev, A. A. (2008). *Prikladnaya psikholingvistika rechevogo obshcheniya i massovoi kommunikatsii = Applied psycholinguistics of speech communication and mass communication* / (eds) A. S. Markosyan, D. A. Leont'eva, Yu. A. Sorokina. Moscow: Smysl. (In Russ.)
7. Ivanov, P. A. (2012). *Modal'nosti funktsii vozdeistviya v tekstakh publitsisticheskogo stilya (na materiale frantsuzskoi pressy) = Modalities of the influence function in journalistic style texts (on the basis of the French press): PhD in Philology*. Moscow. (In Russ.)
8. Petrovskaya, L. A., Zhukov, Y. M., Rastyannikov, P. V. (1990). *Diagnostika i razvitie kompetentnosti v obshchenii = Diagnostics and development of competence in communication*. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зарипов Руслан Ирикович

кандидат филологических наук

докторант Военного университета им. князя Александра Невского

Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zaripov Ruslan Irikovich

PhD (Philology)

Doctoral Candidate, Prince Alexander Nevsky Military University

of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	20.03.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.04.2023	approved after reviewing
принята к публикации	17.05.2023	accepted for publication